

Михаил Жутиков Чаадаев и другие

Современное и своевременное

Читая изыскания Петра Яковлевича Чаадаева о нравственной «идее» общей истории, невольнейше прибавляешь к совсем иному. В самом простом виде это, например, так: «...смысл» движения народов состоит в самоорганизации для пропитания и в раздроблении от неудач пропитания. А наевшись и поковыряв в зубах, отчего не поразмыслить о высоком и не найти даже идеи и цели наедания?»*.

Ведь, ей-богу, так... и отчего самые высокие идеи почти непременно приводят к вот такому (примерно) пониманию? Ведь это совсем не для насмешки, а из-за досады тут на идейного «дурака» – а какой же он дурак, Чаадаев? Всё бы такие дураки, глядишь, не дожили бы до Горбачева-Ельцина, да и до Парвуса-Ленина.

И тут является ответ на досаду его от огромного успеха гоголевского «Ревизора». Ведь тут тайна для Чаадаева: «И вот никогда, ни один народ не был так бичуем, никогда ни одну страну не вломили так в грязь, никогда не бросали в лицо публике столько грубой брани, и, однако, никогда не достигалось более полного успеха. Неужели же серьезный ум, глубоко размышлявший о своей стране, ее истории и характере народа, должен быть осужден на молчание, потому что он не может устами скомороха (!) высказать патристическое чувство, которое его гнетет? Почему же мы так снисходительны к клиническому уроку комедии и столь пугливы по отношению к строгому слову, проникающему в сущность явления? Надо сознаться, причина в том, что мы имеем пока только патристические инстинкты!». Прямо вот как.

А кажется, ясно. Художник, попавший на *инстинкты*, и есть вот это... гений, что ли. В «Ревизоре» мы узнали себя в зеркале... но хитро поставленном! Словно бы это не мы, а другие дураки, но узнаваемые! Вот чем поражает нас Гоголь в самое сердце, а никакими не идеями истории. И мы ушли чуть не счастливые, с комедии, де вся грязь – про нас! Мы увидели дураков – но и не только же... Что же еще увидели... еще что? Да ведь кажется, увидели ту самую «идею истории»? Отчего она, эта идея, никак не вдалбливается никакими ни ленинизмами, ни чаадаевыми, а вступает тут в самое наше существо?

Оттого, что Гоголь. Но ведь и обратное верно, еще даже вернее – ведь и Гоголь-то оттого, что... что исхитряется вот этак... вот как-то этак... Как? Чем?

Ведь сколько поганы изливают нынче на нас разнообразнейшие кривые зеркала и чего-чего, какой пакости и паскудства не достигли «успешные» деятели пера и сцены! Завидки берут. А и близко нет того, что... Чего «того»? Чего же?

Может быть, сострадания к Бобчинскому? Со-страдания, то есть такой же боли души? Ведь мастерства-то набрано куда против Гоголя! И чего-то нет на сцене, на экране... А тут всего-то.

«Бобчинский: Я прошу вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам и адмиралам, что вот, ваше сиятельству или превосходительству, живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живет Петр Иванович Бобчинский.

Хлестаков: Очень хорошо.

Бобчинский: Да если так и государю придется, то скажите и государю, что вот, мол, ваше императорское величество, в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский».

Какая тут, к дьяволу, сатира, не было ее у Гоголя вовсе никогда! Сострадал он дуракам родимым, и, кажется, вся тут наша идея истории. И оттого-то останутся только все те же «Июльский дождь», «Иваново детство», «Уроки французского»... И те же все Гоголь, Островский, Чехов, Булгаков, Вампилов... Сухово-Кобылин, Найденов... Возможно, забыл кого. Но конечно не (драматургов) Лермонтова, Пушкина. Этих не забыл; просто это другая драматургия, тоже сострадательная, только высшее, Чаадаеву, возможно, более близкое.

И Горького не забыл, драматурга. Как же, «Ах дню!» Человек звучит гордо! Как тут забыть? И других (не называя) помню: слева – положительные (Табаков, Харитонов), справа – дурные (или наоборот), а посередине пока дурной, но с хорошими задатками – и вот похорошеет... В 1991 похорошели так, что миллионы убитых по сей день не можем сосчитать. Не от «морального» ли кодекса строителей «изма» – слепленного из феербаховской «морали без Бога»? На квашне тех самых «идей истории»?

Не знаю, сказал я что путное или нет...

* Цитаты по изданию П.Я. Чаадаев, Статьи и письма. М., Современник, 1987.

Время для человека всегда делится на три части. Мы можем радоваться или огорчаться настоящим, мечтать о будущем, но именно прошлое является основой жизни как отдельного человека, так и общества в целом. Принято считать аксиомой, что будущее формируется теперешним отрезком жизни, а он, в свою очередь, – прошедшим. Однако настоящее – это миг, и в действительности именно прошлое и наше отношение к нему создают наше личное и общее будущее, ибо все следствия происходят из причин.

Широко известно, что в личностном плане бывое психологи-чески всегда представляется в более благоприятном свете, чем нынешние реалии, хотя в прошлом и могло быть у человека много отрицательного. Однако это справедливо, если на протяжении десятилетий ничто в основе своей не изменяется. Если же перемены происходят, и они значительны, и по большей части негативны, то прошедшее вполне имеет право называться лучшим.

Вот и в старое, советское время, когда постоянно пропагандировался здоровый образ жизни и активное долголетие, – разве это к лучшему, что сейчас этого нет? – все стадионы, начинающая от больших арен и заводских и кончая школьными, были абсолюто открыты для желающих позаниматься, побегать, а при желании и буквально за копейки стать участником группы здо-ровья. В отличие от теперешнего времени, – чем меньше чело-век проживает после выхода на пенсию, тем государству выгоднее, не нужно же выплачивать долгие годы, – когда все структуры на стадионах, которые ранее были предназначены для оздо-ровительной физкультуры (кстати, к услугам физкультурников было бесплатное обслуживание в спортивно-физкультурном диспансере), превратились в фитнес-центры, и так просто уже не побегаешь по их дорожкам, не говоря уже о тренажерных и игровых залах. За все это удовольствие теперь нужно выклады-вать хорошие деньги. На фоне семидесяти процентов бедного населения, из которых сорок – вообще нищие, это, как говорит-ся, только для избранных.

Но вот школьные стадионы до последнего времени, до «эпохи вирусобесия», были повсеместно открыты. А среди них есть и достаточно большие, оборудованные, правда, уличными тренажерами. Однако и они стали закрываться. Вы спросите как? Да очень просто – на замок. Там же, где наш ушлый рос-сийский объявитель продал в ограждении лазы для удобного – по прямой – хождения через террито-рию, они всецельно заделы-вались. И вновь заделы-вались, когда они вновь «проубрались». И наконец – металлическими конструкциями с помощью сварки, то есть напроко.

Вот и рядом с моим домом так «закрылся» большой школь-ный стадион с двухсот пятидесятиметровой беговой дорожкой, с большой спортивной площадкой с бортами, где и футбольное поле и две баскетбольные площадки, под громким названием «Газпром детям!», с внешним футбольным полем и опять же баскетбольной площадкой и, что важно, с большим набором се-рьезных уличных тренажеров. На этом стадионе в любое время – утром, днём и вечером, в будни, по выходным года-

ми занима-лись и взрослые и дети, порой целыми семьями, из соседних домов. Слышались радостные возгласы и смех, проводились оживлённые коллективные игры в футбол и баскетбол, а зимой и в хоккей. И вот в один прекрасный момент стадион был за-крыт.

Произошло это, видимо, в рамках борьбы с эпидемией, но фактически это стало явлением того, что мы называем вирус-бесием. Да, одним из вариантов защиты при эпидемии объявляе-на самоизоляция. Но уже вскоре стали явственными в том числе и вредные последствия этого. Попытаемся объяснить по-чему. Сидение людей дома взаперти, без про-

Яков ШАФРАН «Чистый метод» Население – это политическая проблема?

гулок, то есть без движения и свежего воздуха, явно приводит к снижению имму-нитета и затем к активизации всех хронических заболеваний – к тому, что делает и сам коронавирус. Что касается детей, то при взаимодействии их происходит выработка коллек-тивного имму-нитета. Отрыв же их друг от друга не позволяет происходить этому процессу и, когда они вновь встречаются в коллективе, возможен резкий рост различных простудных, инфекционных и вирус-ных заболеваний. Что и доказано уже в начале этого учебного года.

Хороший пример государственной действенности показал Китай, где при обнаружении в каком-либо районе проявлений коронавируса, он полностью изо-лировался, и проводились не-обходимые карантин-ные действия. Китай стал самой эффективной страной в борьбе с этим вирусом.

Возвращаясь к теме нашего очерка, следует ска-зать, что за-крытие стадиона произошло не в разгар «пандемии», а в июле, то есть через три месяца после начала, когда объявлялось о её спаде и скором открытии международного авиасообщения...

Со своего балкона на девятом этаже мне хорошо виден этот школьный стадион. Вначале ещё кое-кто занимался физкультур-рой на его территории и не-сколько ребятшек играли в футбол. Видимо, был ещё какой-то лаз. Территория всё-таки достаточно большая, но бдительная администрация школы об-наружила его и заделапа. И вот уже как месяц стади-он абсолютно пу-стой, сиротливо смотрятся его площадки и тренажеры.

И возникает вопрос – а нужны ли здоровые люди? Вот в от-ношении «Скорой помощи» возникла на-родная шутка, что нужно переименовать её в «Ско-рее бы помер»... И ещё, интересно, сколько людей умирает не от самого коронавируса, а от других серьёзных заболеваний, которые заметно обостре-ются от сни-жения иммунитета, отсутствия свежего воздуха при безвылазном заточении в квартире перед экраном телевизора или мони-тора и от стра-ха, то есть от «вирусобесия». А ведь любому гра-

мотному и разумному человеку известно, что фи-зическая куль-тура как часть культуры направлена на сохранение и укрепле-ние здоровья человека в процессе осознанной внимательной ак-тивности, на развитие физических и интеллектуальных способ-ностей человека и формирование здорового образа жизни, со-циальной адаптации. Многие мыслители говорили и говорят о пользе физической куль-туры. «Гимнастика, физические упраж-нения, ходьба должны прочно войти в повседневный быт каждо-го, кто хочет сохранить работоспособность, здоровье, полно-ценную и радостную жизнь» (Гиппократ). «Спорт формирует культуру оптимизма, культуру

бодрости» (А.В. Луначар-ский). «Физические упраж-нения могут заменить мно-жество лекарств, но ни одно лекарство в мире не мо-жет заменить физические упражнения (А.Мюссе). И в то же время мы слышим призывы совер-шенно иного ро-да. Так не-безызвестный Билл Гейтс говорит: «Численность на-селения стремительно при-ближается к девяти миллиардам. Если мы сейчас действительно хорошо поработаем над новыми вакцинами, медико-санитарной помощью, помо-щью в сфере ре-продуктивной здоровья, возможно, сможем понизить его про-центов на десять-пятна-дцать»*. А вот ещё – Томас Фергюсон, бывший чи-новник госдепартамента США по делам населения: «Есть только одна тема нашей работы – мы должны сократить численность населения. Либо правитель-ство сделает это по-нашему, посредством хороших, чистых методов, либо они полу-чат неприятности ... Население – политическая проблема. Раз на-селение вышло из-под контроля, оно требует автори-тарного правительства, даже фашизма, чтобы со-кратить его...»*.

Вот и думаю, читатель, не является ли то, что про-исходит как «пандемия», тренировкой в проведении мировой биологиче-ской войны гибридного типа, которая включает в себя: без-условно имеющий ме-сто вирус (хотя и не страшнее вируса гриппа), страх, стресс и отсутствие здорового образа жизни, что по сравнению с идеями Б.Гейтса и Т.Фергюсона являет-ся, ви-димое, «чистым методом». И всё это на фоне отсутствия вакци-ны, которая в принципе невозмож-на, так как современный вирус «стал настолько ум-ным», что попадая в организм, сразу же му-тирует, и этих мутаций всегда будет столько же, сколько и за-ражённых людей.

А вот в Китае, где люди уже много лет собираются в парках и скверах на утренние и вечерние занятия физкультурой (даже и сейчас), мы видим действие многолетних программ здорового образа жизни для продления её активного периода и приме-не-ние дей-ственных мер по защите здоровья людей.

Делайте выводы сами.

*«22 шокирующих цитаты мировой элиты». «Бизнес Online».

(Начало – стр. 1)

Наверное, заседальцы того и ждали. Партийной верхушке не нужны были упрямые да непокорные – она наращи-вала ряды верных и послушно-равно-душных, доведя таковых к своему концу до 18 миллионов. Не спасло партию её количество, когда пришли роковые дни, потому что мало было в тех рядах таких, как Андрей Иванович Попов.

Дальше начался слом крепкого кол-хозного хозяйства. Колхоз Большого Лы-чка объединили с несколькими другими колхозами, где дела шли не просто ни шатко ни валко – из рук вон плохо. Что из этого вышло? А чего могло выйти?! Ведь невозможно породистого коня скре-стить с навозным жуком. Те, кто влчил жалкое существование, лучше зарабаты-вать не стали, даром что в новый совхоз влили немалые средства. А вот колхоз в Большом Лычке пошёл на спад. Если раньше каждый колхозник знал своё ра-бочее место, свои задачи, чувствовал от-ветственность за порученный участок, то после объединения началась анархия. Чего ради гнуть спину, если в соседнем отделении на работу выходят, когда все петухи откричат! Хозяйство стало хиреть и ветшать.

Видя тотальную разруху в хозяйстве и в умах земляков, дядя Андрей зане-дужил. Дали о себе знать фронтовые раны. Осколок, сидевший в позвоночнике, так порой донимал, что он в буквальном смысле на стенку лез, ногти срывал, оставляя борозды на штуркутке. Куда пропал его азартный горящий взгляд? На последней фотографии глаза страдающие, не свои. Выйдя на пенсию, дядя долго не зажился. Злая и тупая воля стреножила его душу, осадив бег донского иноходца.

А что было в наших северных пале-стинах? Совхоз в нашем Турчасовском кусту растянулся вдоль Онеги на пять-десять километров. Стали перевозить людей, разбирая избы, на центральные усадьбы и в отделения. А на малых де-ревнях поставили клеймо «неперспек-тивная». Это мадам Заславская, ака-демическая особа, выдумавшая этот термин, была неперспективная, хоть и завивала шестимесячную завивку. А ма-лые деревни могли бы ещё жить. В ито-ге что? Работников на полях и фермах от перестановки слагаемых, согласно арифметике, не прибавилось. Наобо-рот, часть тех, кто не пожелал очеред-ных перемен, уехали, иные и совсем далеко. Оставшиеся и перевезённые из окрестностей замкнулись. На ту пору командовать парадом был поставлен молодой и тщеславный директор. Ему бы поговорить с народом, объяснить ситуацию, предьявить плюсы, ведь не трудодни теперь – живые деньги. А он, обаянный гордыней, разговаривать по душам не умел. «Чтобы я – да на по-клон?»!. Приказы или मत-перемат – вот все его аргументы. В итоге отток абори-генов увеличился. «Ах так! – рассвире-пел этот деятель и махнул в контуре по найму. – Давай рабочую силу!». А там что предлагают? На божие, что нам него-же. Вербовка – известное дело: вчера-ние сидельцы, ухари-летуны, бывшие тунеядцы. День помантуют, неделю пьют. Неработь...

Подобное разорение было повсе-местно. Как это было на Русском Севе-ре – представлено в прозе Абрамова и Белова. То же в произведениях Мок-аева, Носова, отражавших жизнь сере-динной России, и у сибиряков Астафье-ва и Распутина.

Моё глубокое убеждение, что Совет-ская власть держалась на том поколении, которое попало под неё, да на их детях. А потом, когда они, эти беззаветные труже-ники ушли, власть и рухнула, потому что так истово, как трудилось последнее кре-щёное поколение, уже никто не работал.

И конечно, сказала на упадке села непродуманная, зачастую выдуманная в высоких, оторванных от земли кабинетах политика. Индустриализация худо-бед-но продвигалась. А село от партийного скудоумия да волюнтаризма всё больше хирело. У Белова в «Привычном деле» колхозник косит сено для своей коро-вушки-кормилицы по ночам да тайком –

родной демократии, в Африку или ещё куда... Запомнился сюжет в «Фитиле»: мопоко переводили на казеин, из кото-рого делали пуговицы... Может, и пятая колонна уже саботировала всё и вся. Но главное, думается, не в этом. Перевелись толковые совестливые работники. Такие как Иван Африканович, Мишка Пряслин, его сестра Лиза... Отвадила их от земли та якобы народная, на самом деле пар-тийно-рутинная власть своими антина-родными постановлениями, указами да запрещениями. Отвадила от земли, ко-торая от веку была основой государства.

А добила деревню новая буржуазная власть. Разогнала ненавистные ей колхо-

Засечная черта Василия Белова

23 октября – очередная годовщина классика родной словесности

власть запрещала косьбу даже на лесных делянках, ты, дескать, все силы и время должен отдавать коллективному хозяй-ству. Чем не барщина: семь дней паша на барина, ночь на себя. Даже такой безза-ветный трудага как беловский Иван Аф-риканович и тот от тоски и полугодной неволи срывается с родных мест.

А сколько корневых земледельцев было отожжено от дедовых пашен гигант-скими новостройками; сколько полей, лу-гов ушло под воду, ради гигантских ГЭС!

И опять же «неперспективные» дере-вни и укрупнение усадеб...

Моего соседа по двинскому острову, наследника трудолюбивого да ласкового племени емь, власти вынудили бросить родную деревню, расположенную про-тив Емецка, родины Николая Рубцова. «Это на том берегу...». Уже в 66-м ему приказали резать коровушку. У него трое детей мал-мала... Как без кормилицы? Заставили. Мол, твои дети будут жить при коммунизме, а ты несезонательный. Со слезами с душевной болью покидал Арсений Дроздов родные места, уезжая в город работать на островной лесозавод. Это был один из последних природных пахеров, который завершал трагедию де-ревенского исхода.

А говоплатыства сколько было... В моих онежских местах в начале 80-х отрохали коровник на 1 тысячу голов. А о том, что коровушкам понадобятся пастбища, подумать было некогда – всё заслонили брдавые сводки. В итоге пришлось бурёнкам за травкой-мурав-кой топтать за десять вёрст. Какие там могли быть надои?! А водопровод? Прот-янули от реки тропу, воздвигли папору-ную башню. Можно, кажется, запустить насос. Ан, нет. Нет заключения СЭС. А санэпидстанция требует очистные со-оружения. Точно никто раньше не ве-дал, что реку за десятилетия молевого сплава изрядно загадили. Итог простой. Водопровод, «срабатанный» ещё рабами Рима», действует. А возведённый сорок лет назад в Турчасовском совхозе не принёс ни капли воды – трубы и деньги в земле, а башня торчит как памятник ту-попости и безхозяйственности.

Итог всем эти неурядицам, перегибам да глупостям известный. С продуктами к концу 70-х стало худо. Сам востанови-вать очередь за молоком в пять утра. До сих пор перед глазами женщина средних лет, которая без конца твердит одну фразу: «Какое счастье! Какое счастье!». Уже вечером после работы ей досталась бу-тылка молока.

Куда девались продукты питания, которые миллионами пудов и тонн со-держались в предсъедовских сводках, не знаю. Может, шли в страны очень на-

зы, лишила финансирования и кредито-вания совхозы. И за десятилетие-два зем-ли нашей стало не узнать. Брошенные, догнивающие деревни, заросшие махро-вым борщевиком луга, запаршиванные травяной дурниной поля. Земля-корми-лица лежит ныне впусе, в оставленности и отчужденности, словно обессилевшая нищенка. И возникает ощущение, что ску-коживается она, усыхает и сворачивается в эдакое перекасти-поле, ещё миг – и по-несёт её свирепым вихрем в запредель-ную небель...

Новая власть бахвалится невиданны-ми урожаями зерновых. Какое качество эти зерновые – она умалчивает. Зато на-род знает, что нынешний хлеб – не чета прежнему, когда соблюдались контроль содержания муки, пропорции закладки и технологии выпечки. Овощи заморские, которыми запуганы прилавки по вече-не, подозрительны. Слишком ранние и слиш-ком чистенькие, чтобы поверить, что они взорпели в земле и не напичканы нитра-тами. И израильская морковка, и египет-ский да турецкий картофель... Барыш, как и химические ускорители, не пахнут. Зато после эти «ускорители» акаются на здоровье. Да и ценки... Она ведь нигде не дельась, русская поговорка: за морем телушка – полушка, да рубль перевоз. А уж о телушке и говорить нечего. Имено в виду мяса. Каким мясным отребьем, со-бранном со всех скотобоен мира, нас кормят, пихая это дерьмо вместе с соей в сосиски и сардельки, – об этом лучше не задумываться, чтобы не было заворота кишок. И молочные реки – это иллюзия. На полях много молочных упаковок. Но 20 миллионов сограждан – за чертой бед-ности: молоко, кефир, тем более живот-ное масло им не по карману. Ещё столько же выбируют продукты подешевле. А это не молоко, а всего лишь белая жижица, напичканная заменителями жира, при этом растительные масла, даже частично гидрогенизированные, опасны для здоро-вья – по заключению ВОЗ они вызывают сердечнососудистые заболевания и при-водят к ранней смерти.

Хочет или не хочет того нынешняя власть, но деревню ей придётся возрож-дать. Хотя бы для собственной устойчи-вости и безопасности. Иначе придётся кормить чужую армию. Привозными ба-наннами русского солдата не накормишь. Армейские подсобные хозяйства тоже не выход – боец должен учиться стре-лять, ракеты обслуживать, а не поросят кормить. Порохом в мире пахнет. А тем более что выбор для призыва сокращает-ся – такова демография. Да и допризыв-ная подготовка тоже требует. Какой воин

четыре десятка добровольцев, прибыв-ших на два дня в Тимонию, как слабый отблеск того яркого огня. Гляжу на свет-лые лица моих единомышленников. А смогли бы мы остаться насовсем в этой деревне? Захотели бы взвалить на себя воз деревенских забот?

Большинство этих людей выходцы из деревенского мира. Их отцы или деды были крестьянами. И навски эти, плат-нищие, строительные, сенокосные... они оттуда – из детского опыта и генной па-мяти. Но захотели бы они сменить город-скую, поселковый уклад на деревенскую жизнь? Сомневался. Даже если бы были предоставлены «все условия». Человек, оторвавшийся от земли, на неё капиталь-но не возвращается. Разве отпуск прове-сти... Разве к последнему приплону...

Такие деревни, как беловская Тимо-ниха, абрамовская Веркола, повторюсь, не отомрут – их будут поддерживать как памятные гнёзда. Но оскрестьяни их за-хиреют, если не предпринять срочные меры. А для начала хотя бы не списывать из их реестра поселений, что повсемест-но торопятся делать местные власти. Законсервировать до лучших времён, как консервируют храмы, подлатав кро-влю. Понятно, не всякую деревню можно тем самым спасти. Но там, где теплится жизнь, это можно и нужно делать.

Минувшим летом побывал в несколь-ких деревнях на островах в дельте Дви-ны. Это целая островная республика. Жи-вут тут по-разному. У кого-то коровник под новомодной черепичной крышей, кто-то перебивается случайными заработками. Одни выращивают картошку, другие заго-тавливают сено на продажу, благо после совхоза земли бесхозной здесь прорва. Третьи занимаются извозом: отремонтир-овали давно списанный речной катер, к нему бажру пристроил и все заказы по перевалке грузов в дельте твои. Проблем тут, на островах, как и везде много. Без-работица, безденежье, бездорожье, без...

Но... лето ли сказалося светлое или то,

геевна Привалихина (двинской остров Ластола) в июле справила 94-летие. На юность её пала война, да и после быва-ло не сладко, как всем из этого великого поколения. Но на жизнь – Божий дар – не сетует. Наоборот – радуется каждому прожитому дню и по-матерински попре-кает своего 72-летнего сына, ворчащего на судьбу.

ЧТО ДЕЛАТЬ? Извечный вопрос рус-ской интеллигенции. Деревня отвечает на него традицией: РАБОТАТЬ, НАДЕ-ЯТЬСЯ НА ЛУЧШЕЕ, РАСТИТЬ ДЕТЕЙ, ПАХАТЬ И СЕЯТЬ. Другого не дано.

Вот и мы, трудовая десант, пошли по этому пути. Мы приехали сюда по-утру. Было пасмурно и ветрено. Местная власть – это Харовский район – обеспе-

чила нас пиломатериалами, инструмен-тами. А многие и сами приехали не с пустыми руками. Кто с бензопилой и бен-зином к ней, кто с дровами. А я запасся походным топором.

Роботали с утра до потёмков. По-походному переночевали. В утрах снова принялись за дело.

Что мы сделали-сотворили за два упра-га – два рабочих дня? Обкосили деревню едва не до леса. Обновили крыльцо ка-менной церкви, которая была возрожде-на рачением Василия Ивановича Белова. Поставили заставу на въезде в Тимони-ху – красивые ворота по обеим сторо-нам просёлка. Заменяли отгнивший сруб колодца новым, а ворот-колесо расписа-ли дивными цветами. Обновили мосток через дренажную канаву возле усадьбы Беловых. Поставили новый забор. А немуд-но приписали свежесрубленную скамью, которую не стыдно выставить на ВДНХ. Недаром местная администрация тут же заговорила о заказе таких скамеек для районного центра.

Извлекаю уплотнительные камни да осколки кирпичей из-под прежних стол-бов забора, я подумал, что их заклады-вал сам Василий Иванович, и вослед ему старался так же плотно вбивать их для укрепления новых опор...

Работать на родимой земле, как пове-лось с детства, а потом пером писателя воспевать и отстаивать красоту и величие внешне простого деревенского мира – стало для Белова ПРИВЫЧНЫМ ДЕЛОМ. Главным делом его жизни. А Тимони-ха, его, родовая деревня, доставшаяся в на-следство от поколений пращуров, – той засечной чертой, его духовным рубежом, на котором он всю жизнь держал дозор.

Василий Иванович покоем здесь, в отчине. А дух Белова, окрыливший его книги, с нами. Ведь именно он, дух пи-сателя, и вдохновил нас на эту поездку и труды праведные на его родимой земле.

Михаил ПОПОВ
г.Архангельск